

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ
НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКИХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ
ЧТЕНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.О. ШМИДТА**

**Пенза
27–28 мая 2022 г.**

УДК 908:92 (470.40)
ББК 63.3 (2 Рос-4 Пен)

М 34

Редакционная коллегия:

д.и.н., В. И. Первушкин (ответственный редактор), к.и.н., А. А. Гушин (ответственный секретарь), д.и.н. Г. Н. Белорыбкин, А. В. Павлихин, М. Н. Осипова, к.и.н., А. Г. Вазерова, Д. А. Панфилов.

М 34

Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов: Материалы Всероссийских краеведческих чтений, посвященных 100-летию со дня рождения С. О. Шмидта (27–28 мая 2022 г.) / Отв. ред. В. И. Первушкин. – Пенза: Издательство ИРР ПО, 2022. – 528 с.

ISBN 978-5-91589-035-9

В сборнике представлены материалы Всероссийских краеведческих чтений «Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов», состоявшихся в Пензе 27–28 мая 2022 г. В сборник включено 74 доклада из 15 регионов России. Чтения были посвящены 100-летию со дня рождения С. О. Шмидта. Разделы настоящего сборника в целом соответствуют тематике секций, работавших в рамках программы Чтений. Помещенные в них материалы отражают основные проблемы российского краеведения, особое место среди них принадлежит докладам, затрагивающим вопросы изучения и сохранения культурного наследия городов и сёл, а также их повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны. Значительная часть докладов посвящена роли исследователей, внесших огромный вклад в краеведение. Проблемам краеведения Пензенского края, изучению и использованию местных исторических источников, исследованию истории городов и сельских поселений, усадьбам, пензенским краоведам в сборнике уделено большое внимание. Материалы сборника будут полезны: историкам, педагогам, музейным работникам, архивистам, библиотекарям и краоведам.

Конференция прошла при финансовой поддержке фонда «История Отечества».

ISBN 978-5-91589-035-9

© Институт регионального развития Пензенской области, 2022

© Коллектив авторов, 2022

ТОПОНИМЫ И МИКРОТОПОНИМЫ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Занкина А. Н.

ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛА ЛАДА.....369

Серягин С. Н.

Н. В. ГОГОЛЬ В ТОПОНИМИКЕ СИМБИРСКА-УЛЬЯНОВСКА.....377

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Мясоедов Е. С.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....384

Рассказова Л. В.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЕЛЬСКИЕ ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ:
ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ СОХРАНИТЬ.....391

ГОРОДА И СЁЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Власов В. А.

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1941–1945 ГГ. 400

Кладов В. Ю.

О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ В ИСТОРИИ
ОБОРОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1945 ГГ.).....410

Митронин Д. А.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ
В ПЕНЗЕНСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....415

Мухамедов Р. А.

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН И КОЛХОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ЧЕРТАНОВКА КУЗОВАТОВСКОГО РАЙОНА
И ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ КРАВЕДА К. И. НОВЕНЬКОВА).....424

Перфилов А. В.

ВКЛАД УЛЬЯНОВСКОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
ИМ. ВОЛОДАРСКОГО В ПОБЕДУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.....434

Суркова Н. А.

ЭХО БЛОКАДЫ.....441

Тишкина А. В.

ПЕНЗЕНЦЫ И БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД
В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....447

Филатов А. В., Баландин В. А.

ГОРОД УЛЬЯНОВСК В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....452

Хисамов М. И.

УЛЬЯНОВСКИЙ РЕГИОН: ВОЙНА И АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕ.....456

Вазерова А. Г., Кашаев П. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНЗЕНСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 ГГ.).....461

Вазерова А. Г., Кашаев П. В.

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(1946–1953 ГГ.).....465

Гришаков В. Г.

КАМЕНСКИЙ ВОЕННЫЙ ГАРНИЗОН:
ВЕХИ ИСТОРИИ (1916–2012 ГГ.).....471

УДК 947.085(470.40)

Власов Вячеслав Алексеевич
кандидат исторических наук, доцент
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия
e-mail: vlasov.penza@mail.ru

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГГ.

Аннотация. Рассматривается проблема эвакуации населения из западных регионов СССР в Пензенскую область в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется численности эвакуированных, местам их размещения, трудоустройству, обеспечения продуктами, одеждой, обувью, реэвакуации.

Ключевые слова: эвакуированные, трудоустройство, хозяйственное обеспечение, реэвакуация.

Одной из многих территорий Советского Союза, куда в годы Великой Отечественной войны прибывали эвакуированные из западных областей, была Пензенская область¹. Это определялось рядом факторов: во-первых, уже с конца XIX в. Пенза являлась важным железнодорожным узлом с выходом на четыре направления; во-вторых, это была тыловая область и вместе с тем расположенная недалеко от театра военных действий; в-третьих, здесь имелись необходимые возможности для размещения эвакуированных людей, промышленных предприятий, учреждений, домашнего скота.

29 июня 1941 г. для приёма, размещения и трудоустройства семей эвакуированных в г. Пензе создаётся специальная комиссия, а в области эта обязанность возлагается на горрайисполкомы. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 5 июля 1941 г. во многих городах нашей страны по пути следования эвакуированных были организованы эвакуационные пункты для временного размещения прибывших людей из прифронтовой полосы.

¹ Пензенская область была образована 4 февраля 1939 г. Указом Президиума ВС СССР в составе 38 районов (в дек. 1796 – марте 1797 и в 1801–1928 гг. существовала Пензенская губерния). Расположена на Восточно-Европейской равнине, в пределах Приволжской возвышенности. Площадь области 43,3 тыс. кв. км. Население по переписи 1939 г. составляло 1 649 тыс. чел. Во время Великой Отечественной войны граничила на западе с Тамбовской областью, на севере – с Рязанской областью и Мордовской АССР, на востоке – с Куйбышевской областью (с января 1943 г. – с образованной Ульяновской областью), на юге – с Саратовской областью.

Решением Пензенского облисполкома от 7 июля 1941 г. такой эвакуопункт был создан на базе железнодорожного клуба им. Дзержинского, располагавшегося рядом со станцией Пенза-1 [1, л. 16]. Начальником эвакуопункта был назначен глава переселенческого отдела облисполкома И. Н. Жарков. На эвакуопункт возлагались следующие обязанности: 1) приём, размещение и устройство на работу эвакуированного населения; 2) обеспечение помещением и питанием; 3) медико-санитарное обслуживание, в том числе выявление и изолирование всех больных и подозрительных по острозаразным заболеваниям; 4) организация погрузки эвакуированного населения для дальнейшего направления и др. [1, л. 1–2]. За ним закреплялась баня № 3 в г. Пензе. Эвакуопункт содержался за счёт союзного бюджета, а обеспечение его оборудованием, медикаментами и хозяйственным имуществом возлагалось на областной бюджет. С 1 апреля 1942 г. эвакуопункт был переведён на местный бюджет [2, л. 34]. Пензенский эвакуопункт принимал людей с эшелонов и направлял их далее в глубинные районы страны или распределял по всем районам области. Так, с 1 августа по 15 декабря 1941 г. через него прошло 5 430 чел. Эвакуированные получали койку с постельным бельём, пользовались общественным питанием из расчёта 6 руб. в день. Дети до 12 лет получали питание три раза в день, а взрослые – два раза. Более 300 чел. брали справки для получения одежды, обуви и других мелких носильных вещей из магазина Пензторга. Отправляющиеся далее по железной дороге получали сухой паёк на 2–10 дней, материальную помощь (за 4,5 месяца было выдано 10 тыс. руб.) [1, л. 15]. Эвакуационный пункт находился в ведении Пензенского облисполкома и Совета по эвакуации СССР и проработал до конца 1945 г.

На основе решения Пензенского облисполкома от 6 октября 1941 г. в Пензенской области было образовано Управление по эвакуации со штатом работников переселенческого отдела облисполкома в составе 10 чел. Уполномоченным Управления по эвакуации, в подчинении которого находился Пензенский эвакуопункт, был назначен М. Г. Михайлов [3, л. 1]. В числе первых был его приказ о назначении семи инспекторов по трудоустройству эвакуированного населения по Каменскому, Барановскому, Николо-Пестровскому, Каменскому, Мокшанскому, Сосновоборскому и Колышлейскому районам Пензенской области [3, л. 21]. В дальнейшем на основании телеграфного распоряжения Совнаркома РСФСР и Пензенского облисполкома от 23 февраля 1942 г. Управление по эвакуации Пензенской области было реорганизовано в отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения при Пензенском облисполкоме [4, л. 21]. В Пензе также было образовано отделение Центрального справочного бюро, которое помогало эвакуированным в розыске своих родственников и близких людей. 20 марта 1942 г. приказом начальника Управления НКВД по Пензенской области было организовано

учётно-справочное бюро при Управлении милиции УНКВД Пензенской области по учёту эвакуированного населения и выдаче справок. Согласно временному штату в учётно-справочном бюро было 16 ставок (статистиков и учётчиков). Кроме Управления милиции и г. Пензы одна ставка была введена в Кузнецком горотделе УНКВД и одна – в Сердобском райотделении УНКВД. Начальником учётно-справочного бюро была назначена Ф. С. Умнова [5, л. 48–50].

С первых дней войны в Пензенскую область стало прибывать организованно и стихийно эвакуированное население и беженцы, оборудование промышленных предприятий, различные учреждения из Белорусской, Украинской, Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской ССР, Крымской АССР, из Москвы, Ленинграда, Смоленска, Орла, Курска, Мурманска, Вологды, Новгорода, Пскова, Ростова, Воронежа, Калинина, Тулы, Иваново, Краснодара, Сталинграда и других городов и областей РСФСР. В июле 1941 г. в Пензу прибыло ок. 3 тыс. эвакуированных, к концу августа – уже 81,5 тыс. чел., из них 52 % – дети. В конце 1941 г. в Пензенской области насчитывалось 124 тыс. эвакуированных, в том числе 54 тыс. детей [6, л. 42; 7, л. 67]. Эта цифра не оставалась неизменной в ходе войны. Так, архивные документы зафиксировали число эвакуированных на 1 апреля 1942 г. в количестве 121 685 чел., в том числе в г. Пензе – 11 826. В городах было расселено ок. 20 тыс. чел., большинство же – в сельской местности (во всех районах области) [8, л. 49]. На 1 января 1943 г. в Пензенской области было размещено 110 033 эвакуированных, в том числе мужчин – 35 214 чел., женщин – 74 819, детей до 15 лет – 40 136 чел. (из них 4 557 прибыли с интернатами). Наибольшее число эвакуированных приходилось на Москву и Московскую область (48 317 чел.), УССР (12 550), БССР (9 340), Орловскую область (9 140), Ленинградскую (8 333), Смоленскую (4 141), Тульскую (3 443), Мурманскую область (2 540) [9, л. 51]. С 1943 г. начинается реэвакуация населения из Пензенской области. На 1 июня 1944 г. это число составляло уже 59 281 чел., на 20 декабря 1944 г. – 43 375, на 1 мая 1945 г. – 38 162, на 20 ноября 1945 г. эвакуированных граждан оставалось 32 891 чел., в том числе 12 768 детей до 12 лет [10, л. 101, 102, 155]. Расселение эвакуированных граждан в городах производилось в общежитиях при заводах, в освобождённых коммунальных квартирах, а также в квартирах частных домовладельцев в порядке уплотнения. В сельской местности расселение производилось частично в освобождённых колхозных домах, основная же масса людей размещалась в домах колхозников в порядке уплотнения. В воспоминаниях Е. Ф. Алексеева из деревни Арапино Шемышейского района об этом сказано так: «В течение всей войны в доме бабушки и дедушки, который состоял всего из одной комнатухи, жили

пять семей эвакуированных. Кто спал на печке, кто на палатах, кто на полу. А на зиму и бычка заводили в дом...» [11, с. 133].

Через Пензенский железнодорожный узел эшелоны с эвакуированными следовали в глубь страны (а начиная с 1943 г. – с реэвакуированными в обратном направлении). Только с 1 июля по 12 августа 1941 г. Пенза пропустила 400 таких эшелонов, причём всех переселенцев снабдили питанием, одеждой и денежным довольствием. 8 ноября 1941 г. были установлены дневные нормы снабжения сухими продуктами проезжающих в эвакоэшелонах: хлеб – 400 г., сахар – 20 г., кондитерские изделия – 30 г., крупы – 50 г., масло – 10 г., колбасные изделия – 10 г., мясо – 40 г. Тогда же было решено закрыть один магазин в г. Пензе и организовать в нём оптовую продажу продуктов питания организованным и командированным с эвакоэшелонов, выделяя в этот магазин ежедневно три тонны хлеба (за счёт уменьшения торговли хлебом в городе), а на месяц: муки – 50 т, мяса – 4 т, сахара – 6 т, кондитерских изделий – 9 т, круп – 15 т, масла – 2 т, колбасных изделий – 3 т [1, л. 13, 14].

Бывший заместитель председателя комиссии по приёму и обслуживанию переселенцев Н. Н. Рябов вспоминал: «Первыми в Пензу приезжали семьи пограничников и военнослужащих. Их встречали всей эвакуационной комиссией. Нередко бывало так, что матери находились в одном вагоне, а дети – в другом, а часто, и в разных эшелонах. Пензенцы встречали войной опалённых женщин, детей и стариков с истинно русским радушием и гостеприимством. Эта моральная и материальная поддержка оказывала благотворное влияние, люди отходили от душевных потрясений и включались в активную жизнь» [12]. Гостеприимство жителей пензенской области вызывало чувство благодарности у многих эвакуированных. Например, известная литовская поэтесса Саломея Нерис, жившая в Пензе на улице К. Маркса с четырёхлетним сыном, оставили в дневнике такую запись: «Река Сура с плоскими берегами, зеленеющие улицы Пензы, тихий уголок сквера Лермонтова с тёмным бюстом поэта... Здесь встретили нас, литовских писателей, как стаю журавлей, приостановившуюся на отдых» [13]. А поэт Эдуардас Межелайтис написал такие строки: «В книге нашей жизни – самой большой из книг – приветливо и тепло шелестят страницы воспоминаний о радушной пензенской земле, которая как родных приняла сынов и дочерей Литвы в годы звериного гитлеровского нашествия. Здесь, в памятном мне Никольске, я, тогда ещё совсем юнец, встретил много новых друзей, работал на заводе, зачитывался вашим великим земляком Лермонтовым, переводил Блока и Есенина, влюбился в поэтичную пензенскую природу и чудесных пензенских людей» [14].

Пензенская земля стала вторым домом для десятков тысяч детей, эвакуированных из прифронтовых районов СССР как со своими семьями, так

и в составе детских учреждений. К 15 августа 1941 г. в Пензенскую область уже прибыло 11 детских садов (в том числе 8 – из г. Москвы), в которых насчитывалось 969 детей, в пензенские детские дома поступило 588 детей (на 1 июня 1942 г. таких детей было уже 1996) [15, л. 83, 97; 16]. В 1941 г. эвакуированные детские сады были размещены на Белом озере Барановского района, в Городище, Пачелме, Беково, в с. М. Садовка Сосновоборского района, с. Ивлейка Кузнецкого района, с. Н. Хутор Городищенского района, на ст. Пашково Салтыковского района [15, л. 83].

Детей размещали на базе существующих детских учреждений разных ведомств, в домах отдыха, санаториях, пионерских лагерях, в домах и квартирах жителей области. Вместе с тем, в 1941–1942 гг. вопрос размещения эвакуированных детских учреждений стоял остро, так как свободных приспособленных помещений для детей в районах не хватало. Проводимый ремонт в подобранных зданиях улучшал ситуацию, но не решал всех проблем. Приходилось строить новые артезианские колодцы, прачечные, помещения-изоляторы для больных детей, приспособливать железные печи-временки в дополнение к капитальным печам. В 1942 г. все эвакуированные детские дома имели свои подсобные хозяйства. Ими было засеяно 56 га, в том числе Киевский детский дом – 16 га. Многие из них имели в своих хозяйствах свиней, кур, кроликов, что реально выручало в период отсутствия на базах централизованных продуктов. Немало детских домов испытывали недостаток в одежде и обуви, в том числе тёплой, дети порой ходили в самодельных тапочках, пошитых из материи обслуживающим персоналом [9, л. 55–56].

Всего в годы войны в Пензенской области были размещены свыше 60 детских дошкольных, школьных, вспомогательных и специальных учреждений, в том числе 18 – в г. Пензе. Детские учреждения прибыли в Пензенскую область из 8 союзных и автономных республик, 20 областей и 50 городов и посёлков Союза ССР. В архивном деле есть списки трёх групп (62 ребенка) детского сада № 11, эвакуированного из Смоленска, где в старшей группе назван и будущий народный артист РСФСР, в послевоенные годы ставший ленинградцем, семилетний Эдик Хиль. Приехав в 1982 г. на гастроли из Ленинграда в Пензу, популярный певец перед началом концерта сердечно поблагодарил всех пензенцев за тот приют, который получили в годы войны и дети, и взрослые [17, л. 65].

Положение эвакуированных детских учреждений постоянно находилось в поле зрения местных властей. Так, 26 декабря 1941 г. в постановлении бюро Пензенского горкома ВКП(б) «О трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения» особо говорилось о необходимости увеличения мест в детских садах и в яслях («в целях привлечения на работу на предприятиях и в учреждениях эвакуированных женщин, имеющих мало-

летних детей»), а также о полном охвате обучением в школах детей эвакуированных [18, л. 285]. 20 января 1942 г. Пензенский облисполком принял решение «О переводе на местный бюджет содержание детских учреждений, состоявших ранее на бюджетах союзных республик, а также прифронтовых областей, в том числе гор. Москвы и Ленинграда, эвакуированных в Пензенскую область» с 1 января с.г. [19, л. 78].

30 мая 1942 г. было принято решение Пензенского облисполкома «Об улучшении обслуживания эвакуированных детских учреждений», в котором говорилось о неудовлетворительной работе городских и районных исполкомов, ОблОНО, Облздравотдела, Облторготдела в этом направлении [19, л. 37]. Речь шла о перебоях в снабжении детских учреждений продуктами питания, о том, что всё ещё «не развёрнуто производство одежды, обуви и инвентаря для этих учреждений на предприятиях местной промышленности и в артелях промысловой кооперации». Облисполком обязал городские и районные исполкомы: «немедленно проверить техническое состояние всех помещений, занимаемых эвакуированными детскими учреждениями и обеспечить проведение необходимого ремонта в них до 1 июля с.г.»; организовать при детских учреждениях с контингентом более 200 чел. бань с дезинфекционными кабинами; «немедленно приступить к отводу лесосек и заготовке дров...»; оказать «помощь детским домам и интернатам в организации подсобных хозяйств, обратив особое внимание на развитие птицеводства и кролиководства»; ОблОНО – проверить кадры воспитателей и педагогов, обеспечить детские учреждения учебниками и учебными пособиями, организовать при интернатах производственные мастерские (по пошиву и ремонту одежды и обуви, поделке инвентаря и т.д.) [19, л. 38].

Среди эвакуированных, как показывают архивные документы, оказалось немало учителей, которые прибыли из разных регионов Советского Союза: БССР (Минская, Гомельская, Могилёвская, Витебская области, Брест), УССР (Киевская, Житомирская, Тернопольская, Днепропетровская, Полтавская, Одесская, Запорожская области), Карело-Финской, Литовской и Эстонской ССР, Московской, Ленинградской, Орловской, Смоленской, Тульской, Ярославской, Брянской, Сталинградской, Калининской, Горьковской и других областей [20, л. 1]. Прибывшие учителя работали по специальности во многих районах Пензенской области и в г. Пензе. Среди этих районов: Наровчатский, Кузнецкий, Бековский, Терновский, Шемышейский, Кондольский, Лунинский, Бессоновский, Голицынский, Большевьясский, Тамалинский, Нечаевский, Головищенский, Сосновоборский, Иссинский, Соседский, Пачелмский.

Эвакуированные учителя не только вели свои предметы в средней школе, работали учителями в начальной школе, но и являлись руководителями школ. Например, директорами школ на новом месте стали ленинградки

Ф. Н. Карцидели (СШ № 19 в посёлке Ахуны), П. П. Чернышова (Назарьевская начальная школа Лунинского района), Л. Л. Яполова (Бельнская начальная школа Пачелмского района), белорусски А. Д. Адэрихо (Калиновская неполная средняя школа Пачелмского района) и З. М. Стеркина (Шейнская неполная средняя школа Пачелмского района) [20, л. 3, 28]. В художественном училище и педагогическом институте преподавала «историю искусств» крупный литературовед, москвичка В. С. Нечаева, автор научной биографии В. Г. Белинского в 4-х томах. Результатом её работы в военные годы в областном государственном архиве Пензенской области стали изданные в Пензе книги «Иван Иванович Лажечников» (1945 г.) и «Юность Белинского» (1948 г.). В Пензенском государственном педагогическом институте преподавали и высококвалифицированные специалисты в области русского языка ленинградцы Е. М. Иссерлин и Г. Р. Тукумцев. Кроме русского языка Евгения Марковна вела историю старославянского и латинского языков, заведовала кафедрой, организовала первую диалектологическую экспедицию. В 1945 г. в Ленинграде она защитила диссертацию по теме «Говоры Пензенской области».

Наиболее остро при устройстве эвакуированных стояли проблемы трудоустройства и обеспечения их жильём. Прибывшие с эвакуированными предприятиями проживали, как правило, в общежитиях заводов и фабрик, на чьих площадях монтировали их оборудование, а также на частных квартирах. Здесь больших проблем не возникало. Сложности возникали в другом. Большинство эвакуированных были городскими жителями: рабочими, служащими, интеллигенцией. Однако всех их поселить и трудоустроить в городах было невозможно, поэтому они расселялись в сельской местности путём подселения в дома колхозников и рабочих совхозов, а также в нежилых помещениях (клубы, МТС и др.). Труд эвакуированных горожан в сельской местности был малоэффективен, но трудоустроить их по специальности было сложно (за исключением учителей, врачей и некоторых других). В целом удалось трудоустроить 87% всех прибывших, что на 4 единицы превышает средний показатель по стране. Те, кто не в состоянии был заниматься физическим трудом на земле по состоянию здоровья или по возрасту, обеспечивались продуктами по минимальным нормам красноармейцев. К концу 1942 г. из числа трудоспособных беженцев количество нетрудоустроенных составляло 6 895 чел. [1, л. 42 об.].

Эвакуированные граждане, как правило, встречали радужный приём в семьях домохозяев, однако ситуации бывали разные, когда хозяева проявляли антисемитизм, недовольство и нежелание разместить у себя беженцев. Жалобы были вызваны и встречающимся равнодушием к нуждам эвакуированных и беженцев, а также грубостью некоторых представителей власти [22, с. 13]. Но и сами эвакуированные тоже были разными людьми. Участница

трудового фронта из села Телегино Колышлейского района А. П. Пылайкина писала в своих воспоминаниях: «В район стали прибывать эвакуированные. Их расселяли по деревням и сёлам в домах колхозников и принимали как родственников. Это были разные люди. Многие работали в поле наравне со всеми. А работавшие в учреждениях по вечерам шли в поле вязать снопы, скирдовать, работать на току, как и все мы. Но среди эвакуированных были и такие, которые вызывали удивление. Так, в квартире райвоенкома Куприянова (сын и дочь которого добровольно ушли на фронт), в отдельной комнате поселились две семьи – женщины с подростками. Целый день они без устали о чем-то разговаривали на непонятном для нас языке и ...ничего не делали. Зато в воскресенье, ранним утром первыми были на базарчике и скупали самые лакомые продукты: курочек, яички, маслице. Западники, – говорили про них, – богатые и ленивые» [23, с. 81–82]. Проблемы трудоустройства и жилья, судя по всему, были характерны и для других областей и республик Советского Союза, куда были эвакуированы жители западных регионов страны. Поэтому 26 марта 1943 г. Совнарком РСФСР принял специальное постановление «О состоянии трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения».

Что касается продовольственного снабжения в Пензенской области, следует отметить, что хлебная норма для эвакуированного населения составляла 400 г. на человека в день, хотя имелись случаи снижения этой нормы до 200–300 гр. (Кондольский, Городищенский, Даниловский, Терновский, Мокшанский, Головищенский и ряд других районов). Городское население снабжалось по карточкам, к тому же при эвакуированных предприятиях создавались подсобные хозяйства, а сельское население порой по 5–8 месяцев не получало товаров первой необходимости. Многие колхозы не имели возможности выдавать продукты питания на выработанные трудодни. В ряде районов Пензенской области обеспечение эвакуированного населения хлебом срывалось из-за неудовлетворительной работы хлебопекарен, неполучения ими вовремя топлива и муки, в частности. Находящиеся в эвакуации семьи военнослужащих получали продукты через магазины Военторга. Практически во всех районах области создавались фонды помощи, куда трудовые коллективы и отдельные жители Пензенской области сдавали полушубки, ватники, овчины, валенки, шапки, связанные носки, рукавицы, свитера, а также постельные принадлежности, посуду, продукты. Ф. И. Валько, доцент Пензенского сельхозинститута, вспоминал о своём военном детстве в деревне Черниговке Мокшанского района: «Мамки сеяли хлеб из лукошек-корзиночек, а мы, ребята 12–15 лет, помогали нашим дедам на пахоте и бороновании. Оказывали помощь и в животноводстве. Некоторых из нас, а также девушек старших возрастов, зачислили в молодёжную тракторную бригаду... Помо-

гали мы беженцам, проживающим в нашем районе, как и раненым в пензенских госпиталях тем, что сдавали мёд, заготавливали брынзу, сушили мясо. Девушки вязали носки и перчатки с двумя пальцами. Сдавали одежду и обувь, в основном тёплые вещи. Наша семья, например, только в 1942 г. сдала три пары валенок, полушубок, пять пар носков и рукавиц» [24, л. 5–9].

Особое внимание в работе с эвакуированным населением необходимо было уделять медико-санитарному обслуживанию граждан, что включало в себя не только оказание медицинской помощи заболевшим, но и целый ряд противоэпидемических мероприятий, в первую очередь, это, как указывалось в документах того времени, «борьба со вшивостью». В начальный период войны среди эвакуированных, в первую очередь детей, отмечались случаи заболевания чесоткой, стригущим лишаём, цингой, дистрофией. В сентябре 1941 г. были вскрыты нарушения в работе эвакупункта, когда отдельные беженцы принимались без необходимой санобработки, без мытья в бане, не всегда проводится дезинфекция кроватей, матрасов, постельного белья и помещений [1, л. 10]. В октябре 1941 г. было установлено постоянное дежурство медицинских работников на вокзалах станций Пенза-I и Пенза-III для оказания медицинской помощи эвакуированным. После проверки был введён строгий распорядок на эвакупункте: подъём в 7 часов; завтрак для детей до 12 лет в 10 часов; обед для всех эвакуированных с 13 до 15 часов; ужин для всех с 18 до 20 часов; приём врача с 15 до 20 часов. Выход эвакуированных в город без разового пропуска коменданта эвакупункта был запрещён [25, с. 26, 27].

В 1943 г. в Пензенской области работало 36 санитарно-эпидемиологических станций, из них одна областная, 10 – в городах и 25 – в сельской местности [1, л. 28, 29]. Они проделали значительную работу по предупреждению эпидемий и профилактике различных заболеваний среди эвакуированного и местного населения и не допустили повторения достаточно сложной ситуации в 1941 – начале 1942 гг.

Начавшаяся в 1943 г. реэвакуация привела к полной загрузке в 1944 г. Пензенского эвакупункта (близкой к тому, что было в 1941–1942 гг.). После окончания войны на территории области ещё оставались эвакуированные граждане. Так, на 20 февраля 1946 г. в Пензенской области находилось 30 136 эвакуированных, в том числе детей до 12 лет – 11 483. На 1 января 1947 г. в Пензенской области оставалось учтённых эвакуированных граждан 6 112 чел. из 7 союзных республик и более чем 20 городов и областей РСФСР, в том числе мужчин – 1 164, женщин – 2 605 и детей – 2 343 [26, л. 263, 269]. 30 июня 1947 г. начальник переселенческого отдела при Пензенском облисполкоме Ф. Штеле докладывал в Москву начальнику переселенческого управления при Совете министров РСФСР Л. Т. Дмитриеву о том, что в ходе уточнения

числа эвакуированных на 1 июля 1947 г. в Пензенской области остаётся желающих реэвакуироваться 1 202 чел., на которых имелись персональные списки. Они проживали в 32 районах Пензенской области, а также в г. Пензе [26, л. 265 об.].

В итоге несколько тысяч эвакуированных решили остаться жить на пензенской земле. Причины были разные: одни прибыли в индивидуальном порядке к своим родственникам и решили с ними не расставаться, другие, прожив и проработав несколько лет на новом месте, стали воспринимать это место как родной дом и решили остаться в нём. Существовала ещё и другая причина: 2 165 детей из эвакуированных детских домов и интернатов были усыновлены, получив здесь вторую родину и свою семью. В целом, несмотря на немалые сложности, жители Пензенской области достойно выполнили свой долг перед десятками тысяч соотечественников, которые были вынуждены покинуть свой отчий дом, спастись от ужасов самой кровопролитной войны и искать кров и защиту в тыловых регионах нашей страны.

Список литературы:

1. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1 Д. 4.
3. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 7.
5. Архив ИЦ УМВД России по Пензенской области (Отделение специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий). Ф. 39. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 531.
7. ГАПО. Ф. Р. 2038. Оп. 1. Д. 496.
8. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАПО. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 15.
11. Деревянко А. В. Облик военного детства // Война. Народ. Победа. Материалы межвуз. научной конференции. Пенза: ПГПУ. 2001. С. 133–135.
12. Молодой ленинец. 1980. 31 января.
13. Сталинское знамя. 1945. 11 февраля.
14. Пензенская правда. 1978. 19 мая.
15. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 444.
16. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 449.
17. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 455.
18. ГАПО. Ф. П. 37. Оп. 1. Д. 1640.
19. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 374.
20. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 2а. Д. 386.

21. Энциклопедия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Пенза: ПГПУ, 2009. 400 с.
22. Евневич Т. А. Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войну // Пензенское краеведение. 2015. № 2 (14). С. 12–15.
23. Пронесшие знамя Победы. Письма, воспоминания, стихи участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пенза, 2005. 97 с.
24. ГАПО. Ф. Р. 2378. Оп. 4. Д. 171.
25. Петрина С. В. Пензенский эвакуационный пункт: его создание и работа с эвакуированным населением в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа. Материалы регион. н.-пр. конференции / Под ред. В. А. Власова. Пенза: ПГПУ. 2005. С. 24–28.
26. ГАПО. Ф. Р. 2414. Оп. 1. Д. 19.

УДК 908

Кладов Виктор Юрьевич
кандидат исторических наук,
Пензенский государственный краеведческий музей,
Пенза, Россия
e-mail: viktek79@mail.ru

О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ В ИСТОРИИ ОБОРОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1945 ГГ.)

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы, относящиеся к истории оборонительного строительства на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны: уточнение временных рамок соответствующего процесса, численности мобилизованного населения и объёма произведённых работ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборонительное строительство, Пенза, рубеж.

В 2016 г. был издан сборник документов по истории оборонительного строительства, развернувшегося на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны [1]. В короткое время сборник стал основным источником информации в рамках указанной темы для пензенских учителей, педагогов дополнительного образования, культработников и т.д.